

Пролог

Знаете, стоять вот так у стола Привратника на Перекрёстке Душ и видеть, как за мной в очередь собирается огромная толпа (а много за час на земле народу умерло, тысяч десять уже набралось), было для меня удивительно и вместе с тем как-то уже всё равно. Я переминался с ноги на ногу, будучи обнажённым. Никаких туник, все сверкают прелестями и «прелестями», и это как-то озадачивало. Я ещё не осознал, как влетел. Не осознал ещё, что меня нет в списках умерших. Привратник был изумлён не меньше. Перетряхнул свою Книгу Душ и уже вызвал помощь.

Морщась, я осматривался. Хм, буду до старости серьёзно спортом заниматься. Вон за мной дед стоит: девяносто лет, а фигура, как у молодого. А вот остальные старики не блещут, и смотреть на них не очень-то приятно.

Пока стояли в очереди, пообщались. Старик оказался англичанином. Лётчик, на вертолёте исполнял фигуры на каком-то авиашоу в Англии и не вписался, врезался в землю. Теперь тут. Английским я владею почти в совершенстве, так что общались свободно. Он, правда, заметил мой лёгкий акцент и понял, что я иностранец. Ну, я и представился: мол, зек. А я действительно зек. На зоне сидел по сто тридцать первой статье, пункт два. Изнасилование, да ещё с особой жестокостью. Дали по полной, шесть лет. Сидел по факту ни за что. Зеки сейчас народ продвинутый, быстро выяснили подоплёку дела и меня

признали потерпевшим, то есть к опущенным я не относился, нормально жилось.

Тут стоит рассказать, как дело было, да и о себе тоже. К моменту вынесения приговора, к своим двадцати четырем годам, я был женат шесть раз. Шесть! Что поделывать, родители так воспитали, что к девушкам я относился очень возвышенно, с пиететом. Ведь это же слабый пол, благодаря им рождаются новые люди, к ним нужно относиться со снисхождением. Для меня они были что богини, окружённые ореолом. И когда я сталкивался с реальностью, понимая, с кем я встречаюсь и на ком даже женат, сразу менял к ним отношение и начинал искать следующую богиню. Оттого и браков столько. Самый короткий длился полтора месяца, это была моя первая жена, в семнадцать лет, а самый длительный — год.

Возможно, я сам виноват, но и воспитание тоже сказывалось. Ведь я к девушкам с большой нежностью относился, надыхаться не мог, те купались в любви и моём к ним внимании. А привыкая, начинали чудить, думая, что я всё прощу. Они не понимали, что это лишает нашу супружескую жизнь самого важного — доверия. Самое страшное — измена, а они рассуждали: мол, всё равно любит, а значит, простит или сделает вид, что ничего не знает. Вот так и совершали самую крупную ошибку в своей жизни. Девушки, имейте в виду: вас любят до определённого момента; пока вы не преступили черту — вы зайки, солнышки, куколки, но как преступили — вы становитесь не женщинами, а бабами. А баб кто гнобит, кто просто выкидывает на улицу. Я именно по последнему варианту работал. К слову, только две жены изменяли, другие просто чудили так, что я пинками гнал их из своей квартиры, двушки в центре Москвы, подаренной отцом на шестнадцатилетие.

Родители у меня были интересными людьми. Мать — домохозяйка, а отец — олигарх средней руки, поднявшийся в девяностые. В первую сотню богачей столицы входил, пусть и был на предпоследнем месте. А вообще, когда мне шестнадцать исполнилось, мне купили квартиру, помогли закончить школу, устроили в институт, а дальше — сам. Родители же занялись моей двухлетней сестрёнкой. Про меня как будто забыли, даже на судебном процессе не присутствовали. С денежного подсоса меня скинули, как в институт поступил. В студенческие годы приходилось даже вагоны разгружать, когда совсем денег не было.

А вообще, я стал вполне преуспевающим. Год в академическом отпуске был, отдавая долг Родине, и не думайте о патриотизме — прятался от очень злого отца второй бывшей жены. Служил в ПВО. Старший оператор РС на радиотехнической батарее. У нас в дивизионе С-300 были. В армию я ушёл до того, как прошёл военную кафедру в институте, поэтому службу закончил сержантом, а к выпуску вместе с дипломом получил офицерские лейтенантские погоны.

Так как мозгами я обделён не был, то с сокурсником организовали фирму по ремонту компьютеров, потом перешли на программное обеспечение и уже открыли фирму, которая занималась созданием программ. Работали мы по редкой направленности: программы для промышленного оборудования и станков. Пришлось даже два года в Париже прожить (я там филиал открывал), поэтому на французском говорю отлично, как и на английском. Последний ещё в школе и институте учил, потом отшлифовал, бывая в Англии по работе, а позже, вот, и французский выучил.

Других языков я до ареста и вынесения приговора не знал, кроме родного, матерного и английского техниче-

ского. Это уже на зоне за пять лет отсидки от скуки, раз уж мне языки так легко давались, выучил ещё японский (было у нас тут трое японцев) и немецкий языки. На зоне немало разного народу сидело, разных национальностей. За год до моей гибели сел за наркотики итальянец, так он меня учил итальянскому и латинскому. Последний он очень хорошо знал: отец у него языковед, а сам он врач. Платил я хорошо, приработок к пайке, так что учил охотно. На итальянском я уже балакал вполне легко, хотя и с жутким акцентом, и письменный латинский неплохо изучил, но вот погиб.

Как я на зоне оказался? Да причина всё та же — женщины. Встретил одну, месяц гуляли, сексом занимались. К своим двадцати четырёх я повзрослел и предпочитал жить гражданским браком. В общем, та предложила жёсткий секс, с разорванной одеждой — ролевою игрою, к тому же с работающим фотоаппаратом. Мне прикольно было, я и согласился. А на следующий день — арест и предъявление обвинения. Доказательства — справка из больницы с указанием травм и те самые фото, на которых она привязана к кровати и выглядит довольно испуганной. Моим оправданиям опера не поверили, как, впрочем, и судья-женщина. Адвокат мой попыхтел и сообщил, что потерпевшая готова забрать заявление за сорок тысяч евро. Для меня это не деньги, хотя достаток особо не афишировал. Заплатил через адвоката, а в результате — суд, и я покатил по этапу.

Это потом на зоне мне уже объяснили все расклады. Тут кроме меня ещё трое таких же сидели. Приятно осознавать, что не я один лох. Всё просто. К жертве заранее адвоката подсылают. Я своего спас от троих гопников, отлично их отметелив. Увидел, что в подворотне избивают кого-то в приличном костюме, и вокруг никого, как по за-

казу, подлетел и вломил. Сам я парень крепкий, в школе и в институте боксом увлекался, мастера не получил, но КМС честно заработал, так что мои удары кляли гопников на грязные остатки асфальта. Окровавленный мужчина представился адвокатом, сунул визитку, пообещав, что он всё для меня сделает, и сделал. Упёк на зону. Правда, те трое лохов платить отказались, но я-то заплатил! Правда вскрылась только через три года.

У меня рак обнаружили, опухоль головного мозга. Я попросил товарища продать мою долю в бизнесе, который к тому времени стоил семнадцать миллионов евро, в основном по интеллектуальной собственности, а не по железу; тот и сам уже предлагал продать. Так мои деньги оказались на счету в банке Парижа, там у меня лет семь назад был открыт счёт. Вот я и нанял двух отморожков, что откинулись с нашей зоны. Решил поквитаться, раз всё равно умираю. Врачи, поставив диагноз, год дали, но я решил бороться, питая надежду встретить смерть на свободе. Весь ушёл в изучение языков и других премудростей, спецов разных на зоне хватало. Если бы не занял себя, то извёлся бы, думая о болезни, а так отлично отвлёкся. А если не успею выйти, так что, неотомщённым уходить?

Вот парни и нашли ту девицу да по-жёсткому пообщались с ней. После связались со мной (сейчас не проблема с такой связью) и доложили о результатах. Оказалось, девица денег от меня не получила, поэтому и заявление не забрала. Отправились к адвокату и когда превратили его в кусок мяса, позвонили и сообщили следующее. Адвокат с девицей действительно подельниками были, но тому срочно деньги потребовались, чтобы любовницу на Мальдивы свозить, вот он и прикарманил деньги, а подельнице сказал, что платить я отказался. Исковеркал мою жизнь.

Убили его парни с особой жестокостью, как, впрочем, и девицу, честно заработав свои сто штук евро.

Я боролся два года, уже начались головные боли, но обезболивающие пока не принимал, будучи уверенным, что смерть всё же встречу на свободе. А тут шухер снаружи. Я в это время в бараке был, сунулся на шум, вот часовой с вышки и дал очередь на движение. Попал. В голову. Боль почувствовал, когда пуля в левую скулу входила. А похоже, у нас бунт: у здания администрации зеки нескольких солдат метелили, а другие брали штурмом здание, там тоже стреляли. Часовой с вышки со своей стороны их не видел, только слышал, вот на нервах и отреагировал на наше движение. Я ведь не один выходил с удивлённым видом. Зона у нас была тихая, поэтому и не понял сразу, что происходит. Глупо всё как-то вышло.

Зона наша занималась лесом. Несколько бригад валили его, а мы загружали на железнодорожные платформы, когда лесовозы его привозили. Я крановщиком был и работал в ночную смену, а сейчас как раз отдыхал. Охрана усиленная, возможности для побега были, но я всё же сомневался в успехе. А всё чёрные. На днях тут новопривышнего апельсина, как называли грузинских воров в законе, в карцере закрыли, за дело, к слову, вот те и подняли бучу. Пару дней назад поорали и успокоились, а тут, видимо, затаились и ударили. Среди нападающих в основном чёрные и были. Зачем, почему — непонятно, а теперь уже и не узнать.

Вот так я у стола Привратника и оказался. Когда выяснилось, что меня в списках Книги Душ нет, он обратился к начальству, отодвинув меня в сторону и быстро распределяя остальных. Очередь медленно, при этом постоянно пополняясь, начала сокращаться.

— Виталий Кузьмин? — обратилась ко мне ангел.

— Д-да, — онемев от вида девушки с белоснежными крыльями за спиной, с трудом выдавил я.

Никогда я такую прелесть не видел и сразу понял, что мне нужно в рай. Вся в моём вкусе: ещё бы, пять лет воздержания, женщин не видел. Та, видимо, заметила мой взгляд и покраснела, но всё же взяла за руку, и мы полетели (реально, было чувство полёта) куда-то в сторону облаков. Я отвлёкся, потому что не спускал глаз со спутницы (почему-то эрекции на неё у меня не было, видимо, тут не работало), поэтому дорогу пропустил. Лишь отметил, что на облаке был огромный дворец, и мы влетели в залу через распахнутое окно. Девушка удалилась, оставив меня, а по залу загрохотал чей-то голос:

— Думаю, мне стоит извиниться.

Поджимая ноги (пол был холодным, даже странно ощущать это), я буркнул:

— Прежде стоит представиться.

Неизвестный загрохотал громом, и я не сразу понял, что это был смех.

— Я администратор. Тебе должен быть известен как архангел Михаил.

— Неизвестен. Я религией не интересовался, — про бурчал я. — Меня младенцем крестили. Хотя кто такие Христос и Иуда, знаю. Ну и про Адама с Евой и Змея-искусителя тоже, да и то по ролику из «Оба-на!».

— Тяжёлый случай. Вера в Господа нашего падает.

— Сами виноваты: храмов понаделали, ряхи наели, устроили бизнес на вере.

— Мы тут ни при чём. Дали три плиты с пятнадцатью заветами, дальше вы сами.

— Две плиты и десять заповедей, — задумавшись, припомнил и уточнил я. — Что-то такое я случайно

смотрел: в самолёте скучно было, а телевизор работал. Это когда из Израиля в Москву возвращался.

— Мы не виноваты, что у Моисея руки из того места растут, на котором он сидит. Уронил и разбил одну скрижаль, так что — что осталось, то и осталось.

— Забавно, — улыбнулся я, снова, как гусь, поджимая ноги. Скоро они у меня красными станут.

Видимо, мои затруднения были обнаружены: пол нагрелся до нужной температуры, и я тоже согрелся.

— Вообще, ты молодец: отомстил тем, кто тебя посадил в тюрьму.

— А как же заповеди? «Не убий»? Я ведь хоть и не сам убил, но заказал.

— В разбитой скрижали тоже были заповеди. Мечь — дело благородное. Мечь грехом не считается.

— Чёртов Моисей. Если бы не его кривые руки, жизнь на Земле была бы проще.

— Ладно, не будем вдаваться в лабиринты заповедей, поговорим о тебе. В Книге Душ тебя нет. Мы проверили. Проверили другие Книги и нашли. Ты — Путник.

— Ну да, пока работал, множество стран облетел, во Франции больше всего: я там филиал разворачивал, два года жил. В Китае уже мой компаньон летал, когда фирму продавал. Они её купили.

— Это не то. Ты — Путник по мирам, ты получил этот дар. Это редкость. После смерти ты будешь переселяться в новые тела в других мирах. При этом снова проживать в тех, где уже был, не сможешь. Но если учесть, что миров миллиарды, то ты будешь жить вечно.

— И везде ваша вера? И как?

— Не везде, но мы контролируем эти миры. Создаём копии себя и работаем.

— И что, я прям вот так Путник? За что я получил этот дар?

— Наш Господь редко покидает свои пространства, но когда делает это, карает и милует. Ты попался ему на глаза в восемнадцать лет, за два дня до того, как отправился в военкомат. Помнишь ту девочку, которую ты вытолкнул из-под колёс машины, в результате чего тебя сбили?

— По касательной, отлетел на пару метров, лишь синяк огромный на бедре, — кивнул я, припоминая.

— Господь это видел и отблагодарил тебя. Девочке было четыре года, невинная душа, и, став впоследствии известным учёным, она изобретёт лекарство от лейкемии. С тех пор как Господь тебя благодетельствовал, ты и стал Путником.

— И умирал от рака.

— Твоя душа, когда тело умирает, может перемещаться по мирам, занимая новые тела, но следить за состоянием этих тел ты должен сам. Дар ты получил в восемнадцать лет, это стартовое время, значит, ты будешь занимать новые тела, когда им уже исполнится восемнадцать.

— Не в момент смерти, а когда дар получил? — уточнил я.

— Именно.

— Ясно. Значит, меня сейчас отправят в новое тело и в новый мир?

— Именно так. Из-за ошибки нашего кадрового отдела ты попал сюда, а это запрещено. Я хочу извиниться. Надеюсь, подарок в виде десяти умений сможет уладить этот неловкий момент. Иначе Господь будет недоволен. Путники вне юрисдикции рая или ада, включая наши пенаты.

— Путники редкость?

— Их двести шесть, ты будешь двести седьмым. По всем мирам шастают и поныне.

— Капля в море, — вздохнул я. — Ладно. А что за умения?

— Можно считать, магия. Десять магических умений. Ты инертен к магии, магом не станешь, но привязать к твоей ауре эти умения и дать тебе ими пользоваться я смогу, это в моих силах.

— Они навсегда со мной останутся или только в следующем перерождении? — хитро прищурившись, уточнил я.

— Только в одном перерождении.

— Мало, хочу, чтобы постоянными были, — решил я рискнуть, выставив своё условие.

— Хм, — Михаил, видимо, задумался, минуты три он молчал (жаль всё же, что не вижу его), и я уже начал волноваться, когда он снова подал голос: — Это возможно, но тогда будут только три умения.

— Дают — бери, бьют — беги. Какие умения я могу получить?

— Любые на выбор.

— Список можно?

— Нет. Угадай. У тебя двадцать попыток.

— С чего бы такие условия?

— Скучно.

— Ага, клоуна нашли. Ладно, раз уже умирал от рака, не хочу, чтобы подобное повторилось. Есть у вас умение вроде Исцеления?

— Попал в точку. Именно так оно и называется. Ты знаешь, что такое компьютерные игры и в курсе, как совершенствуется игровой персонаж?

— Это кач называется, от слова «качать». Сленг игровой.

— Я в курсе. Умения, все три, даются в минимальной комплектации. Тебе придётся их развивать. Причём верх-

него порога у них нет, развивать можно бесконечно. Что касается Исцеления, начнёшь с заживления небольших ранок, а когда серьёзно прокачаешься, сможешь не обращать внимания на пули и осколки. Тот же огонь, например. Даже если взорвёшься, то вырастишь себе тело из самого крупного куска мяса. Это если на тебе будет лежать печать «Длани Господней» из умений Исцеления. Если нет, отправишься на перерождение.

— При каждом перерождении заново или во всех жизнях развивать можно?

— Хм, правильный вопрос. Аура одна, но при перерождении всё сбрасывается. В каждом мире сначала.

— Ладно, хоть так. Одно умение, Исцеление, выбрал. — Я задумался, прикидывая, что в этой угадайке выбрать ещё. — Я читал книги о мирах с магией, там были интересные артефакты. Безразмерное пространство. Хранилища. Я могу получить нечто подобное?

— Странно, но ты снова угадал. Есть подобное умение, и оно называется именно Хранилище. В минимальном размере сто кубов. Качать можно до бесконечности. Чем больше вещей внутри, тем быстрее увеличивается объём. И обратно он не спадает, остаётся на том же уровне. У тебя восемнадцать попыток для третьего выбора, и мы будем прощаться. Больше мы не встретимся.

— Хм, стоит подумать, — пробормотал я и стал размышлять вслух: — Умения? Видеть в темноте? Или далеко? Силу или быстро бегать? Нет, это можно натренировать самому. Выше определённой планки я не прыгну, но и усиливать это не вижу смысла. О, магический сканер. Есть такое умение, чтобы я мог изучать всё вокруг себя? Чтобы засад избежать. В прошлой жизни он бы мне несколько раз пригодился.